

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

**Белянина Дмитрия Николаевича «Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861-1917 гг.»,
представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история**

Тема крестьянских переселений в контексте государственных практик регулирования миграционных процессов, продолжительный временной отрезок являлась одним из центральных сюжетов отечественной историографии, оценивалась в качестве важнейшей составляющей имперского опыта колонизации окраин страны. Ситуативное снижение интереса исследователей к проблеме аграрных миграций, обусловленное в 1990 - х - начале 2000-х гг. непродуктивностью старых позитивистских конструкций и методологических подходов, преодолевается сегодня посредством обращения к современным теориям и научно-исследовательским практикам, открывающим реальные перспективы реформативного моделирования научной рефлексии данной проблемы, обретения новых горизонтов в осмыслении причин, содержания и динамических характеристик переселенческого движения. В диссертационном исследовании Д.Н. Белянина, предпринимается оригинальная попытка исторического «монтажа» аграрно-миграционных процессов второй половины XIX – начала XX вв. с практиками имперского участия в организации переселенческого дела, как важного сегмента «проекта внутренней колонизации», пронизывающего исторический путь России.

В данном отношении, *актуальность* темы, выбранной соискателем, не вызывает сомнений и возражений.

Степень обоснованности исследования, выполненного соискателем, может быть оценена по нескольким параметрам. В работе предметно сконструирован интеллектуальный плацдарм исследования, что фиксируется во вводной части диссертационного проекта. Основу этой конструкции составил историографический сегмент работы, позволивший выявить содержание и эволюцию взглядов исследователей на ключевые проблемы аграрной колонизации и переселенческого движения в губернии и области Западной Сибири. Соискателю удалось запечатлеть процесс формирования долгосрочной историографической традиции, в контекстных границах которой вопрос крестьянских переселений рассматривался в тесной связи с оценкой роли властных учреждений и законодательства в реализации

имперских колониционных планов. Всё это позволило диссертанту обнаружить лакуны в изучении вопроса и сформулировать собственную программу научного исследования, определяемую поиском и фиксацией логики государственной переселенческой политики, соответствующей тому или иному этапу крестьянских переселений. В преамбуле диссертации, автором определены и аргументировано обоснованы хронологические и территориальные рамки исследования. В целом адекватно обозначены объект, предмет, цель и задачи работы, которые в «сцепке» с положениями, выносимыми на защиту коррелируют с выводами, размещёнными в заключительном блоке диссертационного проекта.

Достоверность полученных результатов обеспечивается широким кругом разноплановых источников, вовлечённых в исследовательский контекст. Обращение автора к нормативно-правовым актам и правительственным циркулярам, документам официального делопроизводства, справочно-статистическим материалам, текстам периодической печати и источникам личного происхождения, предоставило автору уникальную возможность сместить угол зрения от фактических, полновесно освоенных событий переселенческого дела, к дискурсивным аспектам аграрной колонизации, выявить механизмы, определившие принятие властью тех или иных ответственных решений в области аграрных переселений. Несомненным достоинством диссертации является внедрение в научный оборот массива неопубликованных источников, извлечённых из фондов 8 государственных архивов федерального и регионального уровней.

Научная новизна положений и выводов диссертации. Полагаем, что представленное к защите диссертационное сочинение имеет отчётливые признаки научной новизны. Д.Н. Беляниным осуществлено самостоятельное оригинальное научное исследование, в котором предметно выявлен и обоснован комплекс факторов, определивший логику и течение переселенческого процесса. При этом, в концепции соискателя, процесс переселений и принципов его государственного регулирования представлен в формате «вызовов» и «ответов», когда понимание имперскими властями цели и задач переселений фиксировалось на законодательном уровне, а динамические колебания в самом переселенческом движении корректировались посредством циркулярных практик (с.14). Следует добавить, что Д.Н. Белянин предпринял достойную уважения, хотя и неудачную в целом попытку (см. ниже – М.Ч.) пересмотра и реабилитации периода Столыпинской аграрной политики и, в частности, её переселенческого сегмента.

В теоретическом отношении, диссертация Д.Н. Белянина вносит значительный вклад в осмысление культурно-политической составляющей переселений, как элемента государственной колонизации восточных окраин империи. Применение автором исследовательского проекта социокультурного подхода, открывает возможность увидеть в действиях социальных, экономических и политических институтов скрытые и явные механизмы решения культурных задач колонизации. Это тем более важно, что культурный компонент, наряду с политическим, является имманентным признаком колонизационного процесса. Обращение соискателя к базовым положениям теории модернизации дало возможность выявить признаки модернизационного процесса в Сибири, в условиях социальной, экономической, политической и культурной специфики региона, а также определить границы модернизационного потенциала империи в обстоятельствах внутренней колонизации.

Практическая значимость научных выводов диссертации состоит в возможности использования материалов, положений и выводов исследования при подготовке спецкурсов по истории Сибири и базовых курсов по истории России. Материалы диссертации могут быть востребованы при подготовке обобщающих трудов по проблемам аграрной колонизации и роли государственных структур в переселенческом движении второй половины XIX – начала XX вв., месте и значении имперского фактора в системе административного управления регионом.

Таким образом, можно утверждать, что базовые положения диссертации, обозначенные во вводной части работы, оказались реализованы в основной части и заключении.

В то же время, наряду с отмеченными квалификационными и содержательными достоинствами диссертации Д.Н. Белянина, имеет смысл предметно остановиться на недостатках, недоработках и дискуссионных моментах научно-исследовательского проекта, предварительно, как позитивный момент, подчеркнув общую полемичность рецензируемой рукописи.

1. Научная новизна диссертации, как квалификационного сочинения претендующего на решение актуальной теоретической задачи, предполагает не только постановку серьёзной проблемы и комплексное её постулирование, но и создание соответствующего методологического ландшафта исследования. В данной связи, работа Д.Н. Белянина оказалась сильно обеднённой с точки зрения привлечения новых научно-исследовательских практик. В условиях современной историографической ситуации, внесение корректив в периодизацию переселенческой политики, уточнения и

дополнения, касающиеся ссудных и землеотводных мероприятий власти, представляются важными, но не решающими. Несмотря на очень обширный и плотный текст, открытым остался вопрос о том, как в условиях флуктуаций переселенческого движения власть «воображала» и структурировала пространство империи, разрабатывая адекватные проекты и реализуя практики инкорпорации окраин в общеимперское поле, а также каким образом представители политических элит и местных сообществ реагировали на политику имперских властей. В сложившейся ситуации важную роль в организации исследований стало выполнять обращение к дискурсивным практикам эпохи, в том числе в связи с особенностями формирования «имперской ситуации» в процессе освоения восточных окраин России. В условиях аграрной колонизации Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. проявилось соперничество дискурсов, запечатлевших противоборство проектов инкорпорации региона в общеимперский конструкт, где властный и общественный дискурсы репрезентировали диаметрально противоположные варианты «присвоения» пространства, ставшего объектом реализации имперских интересов. Обращение к наработкам теоретиков направления «новая история империи» (И.В. Герасимов, С.В. Глебов, А.В. Ремнёв, М.Б. Могильнер и др.), позволило бы увидеть не только ситуативные проявления переселенческой политики, отражённые в нормативно-правовых документах, но и то, как общество и власть конкурировали / взаимодействовали в переселенческом вопросе, каким образом вмещался этот переселенческий вопрос в контекст колонизационных планов и проектов Российской империи. В этой связи, весьма показательно, что работа А. Эткинда «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России». – М.: НЛЮ, 2016. 448 с., оказалась включена в историографический раздел, но не в методологическую часть исследования. Более того, работа А. Эткинда отнюдь не сводится «к попытке анализировать колонизационные процессы с позиций филологии и психологии», как полагает соискатель (с.94). Речь в ней идёт о том, что империя осваивала свободные территории по принципу самоколонизации – сначала коренное, а затем собственно русское население. Именно научно-исследовательские подходы «новой истории империи» открывают видимые перспективы вывода переселенческой проблематики за границы узких рамок «законодательство-реализация», позволяют обнаружить ранее не удостоенные внимания исследователей обстоятельства: формирование института колониальных экспертов, участие регионального чиновничества в переселенческом деле, широкий общественный дискурс, в котором не только «выписывались» рецепты власти, но и обсуждались перспективы колонизационного дела в целом. Завершая размышления по

поводу методологической конструкции диссертации, заметим, что не всё так однозначно обстоит и с ключевой теорией, на которую пытается опереться автор в своём исследовании, а именно с теорией колонизации. Походя заметим, что теория колонизации не является сугубо автохтонным продуктом, и тем более законченным конструктом. Значительный вклад в её разработку был внесён западными специалистами, несправедливо забытыми диссертантом (Ф. Лист, П. Леруа-Болье, В. Рошер, М. Фуко, Х. Арендт, В. Сандерленд и др.). Относительно российской школы колонизации, следует сказать, что взгляды специалистов в данной области существенно расходились, и школой это явление можно назвать лишь с рядом существенных оговорок. Обращение соискателя к теории колонизации не носило бы формального характера, прокомментируй он более детально несоответствия во взглядах на колонизацию А.П. Щапова, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, М.К. Любавского, П.Н. Милюкова, В.П. Семёнова-Тян-Шанского. Авторская эссенция классической теории колонизации, сосредоточение на идее о внутреннем характере колонизационного процесса, получившей развитие в современной научно-исследовательской литературе (см. например: «Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России». М.: НЛЮ, 2012. 960 с.; *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917)*: Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: НЛЮ, 2010. 392 с.; Ремнёв. А.В., Суворова, Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века: монография / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.), позволили бы соискателю выйти на более сложный аналитический уровень, обнаружить действительно имперские колонизационные сценарии, в которых свою нишу занимал и переселенческий вопрос.

2. Возражения вызывает и авторский подход к классификации специальных трудов, в которых так или иначе обсуждалась проблема аграрных переселений и государственной политики в этом вопросе (с.38-97), что выразилось в малопродуктивном принципе периодизации историографии (дореволюционный, советский, постсоветский этапы). Возникает вопрос, при таком подходе каким будет историографический раздел у диссертанта в 3016 году? И дело не столько в объёме информации, сколько в манкировании автором текущей историографической ситуацией. Выделим, по крайней мере, два, на наш взгляд, принципиальных момента. Во-первых, дореволюционные исследователи переселенческой проблематики были непосредственными очевидцами, и очень часто участниками переселенческого дела. В этой связи, их работам была свойственна изрядная доля публицистичности, подчёркнуто

рецептурная модель подачи материала, лишённая сколько-нибудь обстоятельной аналитики. Попытки обнаружить принадлежность дореволюционных авторов к той или иной политической платформе, также не дают ожидаемого эффекта и не добавляют достоверности выводам диссертанта. Достаточно сказать, что власти в равной степени привлекали к решению переселенческого вопроса представителей либеральной и национал-консервативной интеллигенции, используя их в качестве колониальных экспертов. Можно назвать имена А.П. Щапова, Н.М. Ядринцева, А.А. Исаева, В.В. Балакшина, М. Венюкова и др., чьи взгляды на переселенческий вопрос с течением времени переживали определённые трансформации. Во-вторых, историографическая традиция, в которой доминировали позитивистские основания (накопление эмпирического материала, собирание фактов, без глубокого их анализа, построение схем исторического процесса), практически в неизменном виде была заимствована советскими историками, из которых лишь немногие оставили заметный след в научной рефлексии и аналитике вопросов, связанных с переселенческим движением и переселенческой политикой. По мнению оппонента, имело смысл обозначить знаковые вехи в исследовании проблемы, продемонстрировать, как действительно эволюционировала историографическая традиция. Это тем более существенно, что в диссертации Д.Н. Белянина, такие вехи есть, в частности во фрагменте о новаторских методах В.Г. Тюкавкина и использовании им подходов школы «*Oral history*», выразившихся в опросах переселенцев и их потомков (с.63).

3. Вне поля зрения соискателя осталось функционирование учреждений, выполнявших важнейшую исследовательскую и экспертную роль при подготовке колонизационного фонда и определении мест водворения переселенцев. Так, деятельность экспедиционеров ЗСОИРГО (ВСОИРГО) фактически не затронута в исследовании Д.Н. Белянина. Имеются ссылки на издание этих учреждений (с.648), однако об их работе и результатах в деле организации переселений, автор умалчивает.

К разряду дискуссионных моментов исследования отнесём следующее:

1. Читая текст, возникает устойчивое ощущение некоторой одномерности субъектного пространства аграрной колонизации, в параметрах которого действуют с одной стороны властные учреждения, с другой – исключительно русские переселенцы из европейских губерний России. Между тем, возникает целый ряд вопросов. Каким образом учитывались организаторами переселенческого дела интересы коренного населения, с проявлениями которых власти и крестьянство столкнулись в столыпинский период, когда траектории переселенческого движения развернулись от зоны железной

дороги в степные области? Как корректировалась программа колонизации в связи с направлением миграционных потоков в таёжные и урманые территории, ставшие местом концентрации религиозных диссидентов – сектантов и раскольников? Каким был алгоритм решений правительственных учреждений в условиях присутствия в аграрной колонизации выраженного иноэтничного компонента (немцы, выходцы из Прибалтийских губерний, областей Западного края). К сожалению, в работе лишь фрагментарно присутствуют сюжеты о хозяйственной деятельности этноконфессиональных групп, без определения их знаковой роли в колонизационном процессе (с.312).

2. Вывод Д.Н. Белянина о перспективности столыпинского проекта, как способа превращения Сибири в развитый сельскохозяйственный район, представляется нам излишне оптимистичным (романтическим). Новая концепция крестьянской колонизации Сибири (определение Д.Н. Белянина – см. раздел «Заключение»), на наш взгляд не имела никакого отношения к экономическому и социокультурному освоению сибирского региона. Политика Столыпина в отношении окраин продолжала логику предшествующего периода, оставалась имперской. Первый поворот в организации переселенческой политики, как справедливо утверждает автор, произошёл в 1870-1880-х гг., но инспирирован он был колонизационным опытом на западных окраинах империи, политическими катаклизмами, связанными с польским восстанием, ростом украинофильских настроений и сепаратистских тенденций. На первый план вышла задача обеспечения безопасности империи, что нашло выражение в деятельности охранителей в лице М.Н. Каткова и сторонников теории «большой русской нации». Именно в эти годы, власти сформулировали тезис о том, что только та земля является русской, по которой прошёл плуг пахаря. Русский крестьянин в данный период приобрёл не только статус основного субъекта колонизации, но и рассматривался в качестве имперского представителя на востоке страны. Соответственно и представлять Россию на колонизируемых землях должен был состоятельный крестьянин, что подтверждается колебаниями властей, наличием имущественного ценза и т.д.

В период столыпинской аграрной политики, соображения безопасности вновь вышли на первый план, но уже с другими императивами. За спиной реформатора оставалось поражение в русско-японской войне и кровь первой русской революции, что требовало принятия адекватных стабилизирующих мер. Освободить Россию от «бунташного» материала, вернуть крестьянство к исконным земледельческим занятиям – вот основное содержание политической программы П.А. Столыпина. В этой ситуации крестьянство в

